

Цзячжоу

— Хуа-хуа, Хуа-хуа! — Гун Юаньчжэн теребил маленькую миску перед собой, пытаясь своим вкрадчивым, полным кокетства голосом очаровать Ли Ляньхуа, лишь бы тот не оставлял его одного в Павильоне Ляньхуа.

Ли Ляньхуа присел на корточки, взъерошил его пушистую шевелюру и, вздохнув, с досадой произнес:

— Если бы ты сегодня внезапно не потерял способность принимать человеческий облик, я бы непременно взял тебя с собой в секту Линшань.

Гун Юаньчжэн заскулил:

— Инь-инь-инь, во всем виноват этот дурак Фан Добин! Он накормил меня вчера какой-то гадостью, вот я и не могу больше контролировать, в лисьем я обличье или в человеческом!

Система: Это потому, что на днях ты убил Сяо Цзыцзиня, Юнь Бицю и тех неблагодарных стариков из Врат Четырех Оглядок. Небесный Путь увидел, что ты рушишь его планы, и решил силой заставить тебя вести себя тише.

Гун Юаньчжэн дернул хвостом:

— Но я же превратился в лиса только после того, как съел то, что дал Фан Добин! Это все он! Я давно знал, что он хочет отравить меня, чтобы забрать моего Хуа-хуа!

— Инь-инь-инь...

— Не смей кокетничать. Вернусь — принесу тебе что-нибудь вкусненькое.

Ли Ляньхуа боялся, что если Гун Юаньчжэн продолжит в том же духе, он действительно не выдержит и возьмет его в секту Линшань. Но если те лицемерные даосы из секты увидят такого прекрасного лисенка, они наверняка захотят его отобрать! Его собственный Хулицзин настолько хорош, что его нужно прятать от чужих глаз. Ли Ляньхуа и так был в ярости, когда Фан Добин, этот незванный гость, случайно увидел Гун Юаньчжэна в человеческом обличье.

Видя, что Ли Ляньхуа непреклонен, Гун Юаньчжэн поник и, издав тихий скулеж, растянулся на полу.

С Фан Добином они познакомились случайно: тот рыскал по Академии Байчуань, пытаясь найти убийцу, вырезавшего половину ее обитателей. В тот момент банда из Зала Ветра и Огня как раз пыталась приставать к Гун Юаньчжэну, и Ли Ляньхуа уже собирался выхватить Вэньцзин, чтобы перебить их всех. Фан Добин свалился как снег на голову, возомнив себя героем, спасающим красавицу, и решив, что этот красавец принадлежит ему. Жаль только, что прекрасный юноша смотрел только на Ли Ляньхуа...

В секту Линшань Ли Ляньхуа и Фан Добин отправились вдвоем. С тех пор как Ли Ляньхуа узнал, что Фан Добин — ученик Ли Сянъи, он решил заняться его воспитанием.

Спустя несколько дней, когда Ли Ляньхуа вернулся в Павильон Ляньхуа вместе с Фан Добином, Гун Юаньчжэн уже восстановил магическую силу и снова стал человеком. Он как раз пробовал на себе действие яда, который сам же и смешал. Эта сцена предстала прямо перед глазами Ли Ляньхуа и Фан Добины, и Гун Юаньчжэну пришлось выслушать немало нотаций, прежде чем они успокоились.

— Хуа-хуа, а не слишком ли мы жестоки? — спрашивал Гун Юаньчжэн, хотя на его лице сияла довольная улыбка. Он был в восторге от того, что Ли Ляньхуа подсыпал Фан Добину снотворное в еду и выставил его из Павильона Ляньхуа.

Ли Ляньхуа ответил:

— Если бы он не ушел, кое-кто из лис захлебнулся бы в собственной ревности.

Гун Юаньчжэн фыркнул:

— Хм! Кто захлебнулся? Просто Фан Добин такой глупый, что смотреть на него больно.

Гун Юаньчжэн подумал: Мечтаешь отобрать у меня Хуа-хуа? Мечтай!

Ли Ляньхуа подумал: С Фан Сяобао и правда неудобно, Юаньчжэн даже не хочет больше ластиться ко мне по своей воле. Между учеником и объектом тайной любви я, конечно, выберу второе!

Услышав, как Система транслирует мысли Ли Ляньхуа, Гун Юаньчжэн до кончиков ушей покраснел. Он застенчиво взглянул на Ли Ляньхуа и прошептал:

— Хуа-хуа, давай с этого дня будем только вдвоем?

Ли Ляньхуа увидел внутреннюю тревогу Гун Юаньчжэна. Тот уже робко протянул к нему свои лапки, и Ли Ляньхуа решил, что больше никогда не даст ему повода спрятать их обратно.

— Хорошо, только мы двое.

Гун Юаньчжэн подумал: Быть для кого-то единственным выбором — это так прекрасно... В прошлом мире Брат Су дал мне родство, Фэйлю — дружбу, а в этой жизни я обрел любовь, которую мне не пришлось ни у кого красть.

Система: Разве украденная любовь — это не любовь?

Гун Юаньчжэн: Ты не понимаешь. Украденная любовь никогда не станет по-настоящему твоей. Она как фейерверк: яркая, но мимолетная. Я не знаю, вспомнят ли те, кого я соблазнял, после моего ухода, что любили вовсе не меня, а кого-то другого. Я словно вор, крадущий их родство, дружбу и любовь. А после моей смерти все это возвращается к ним, и через пару лет они забудут об этом никчемном воре...

Система не понимала, почему Гун Юаньчжэн так рассуждает. Ведь хотя они и существуют за счет силы родства, дружбы и любви, разве все это не должно было принадлежать им по праву?

<http://bllate.org/book/20956/2124864>